

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.31857/S023620070028499-5

©2023 А.Ю. АНТОНОВСКИЙ, Н.Н. ПОГОЖИНА

СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ: СТРУКТУРА, АНОМАЛИИ, ПРИМЕНЕНИЕ

Антоновский Александр Юрьевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID: 0000-0003-4209-8213
antonovski@hotmail.com

Погожина Наталья Николаевна — старший преподаватель философского факультета. МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991 Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
ORCID: 0000-0002-5529-817X
pogozhinann@gmail.com

Аннотация. В статье приводится критический анализ основных теоретических положений системно-коммуникативного подхода. В качестве отправной точки рассматривается посылка о коммуникативном взаимодействии как субстрате любых общественных интеракций, фундаменте

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00804 «Наука как коммуникативная система и научная политика в социально-сетевую эпоху».

социального как такого, которая концептуально обоснована в работах Н. Лумана. Обсуждаются структурообразующие разработки концептуального аппарата СКТ. Авторы реконструируют теоретический каркас системного анализа коммуникации на базе фундаментальных различий действия/переживания, Эго/Другого и сличения полей их комбинаций и констелляций. Предметно рассматриваются эмпирические исходы системного взгляда на коммуникацию, в ходе чего устанавливаются аномалии — лакуны, проблемные места или системные несоответствия хода коммуникативного взаимодействия в рамках предложенной унифицируемой схемы соотношения комбинаций/констелляций различий. Отдельное внимание уделяется сравнению и выявлению специфики научной и политической коммуникативных подсистем. За первой утверждается особый тип системно-коммуникативной рациональности, обосновывается удвоение бинарного кода истина/ложь в приложении к научному знанию, предлагается вариант решения геттьеро-подобных парадоксов силами СКТ, а также отмечается потенциал СКТ в ранжировании видов научного знания, обусловленный эволюционным механизмом отбора как части методологического базиса СКТ. Политическая коммуникативная подсистема приводится авторами к анализу в системном напряжении с научной, в ходе чего выявляются алгоритмы рационального вхождения и самовоспроизводства по средствам бинарных оппозиций и связей акторов (власти, социальных движений, массмедиа и т.д.).

Ключевые слова: системно-коммуникативный подход, коммуникация, социальная система, научная подсистема, политическая коммуникация.

Ссылка для цитирования: Антоновский А.Ю., Погожина Н.Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // Человек. 2023. Т. 34, № 5. С. 7–28. DOI: 10.31857/S023620070028499-5

Трансдисциплинарные идеи системно-коммуникативной теории (СКТ) в ее версии, предложенной Никласом Луманом, его учениками и коллегами¹, находят сегодня широкое признание и методологическое применение во многих социально-теоретических дисциплинах: в экономике, политологии, педагогике, искусствоведении, юриспруденции, психотерапии, религиоведении. Этот методологический подход (по крайней мере, в русскоязычной социальной теории) не всегда получает адекватную интерпретацию, которую можно было бы верифицировать и соответственно модернизировать с учетом современного состояния общества. Приходится признать и то, что один из авторов этой статьи, будучи

¹ Некоторые репрезентативные работы по системной теории последних лет [см., напр.: Luhmann, 1998; Stichweh, 1918; Baecker, 2021].

переводчиком ряда текстов системно-коммуникативной теории, и сам внес достаточно путаницы в предложенные им интерпретации. В нашей статье мы ставим задачу реконструкции структуры этой теории, а также покажем возможности применения СКТ к анализу научной и политической коммуникации в трансдисциплинарном контексте. СКТ предлагает детализированное описание современного общества, основываясь на его понятии как коммуникации, различающаяся типика которой (при всей ее инвариантности) определяет специфику основных социальных подсистем: политики, хозяйства, религии, науки, образования, интимных коммуникаций и искусства. Для решения поставленных задач мы обращаемся к трансдисциплинарным основаниям СКТ.

Атрибуции каузальности и фундаментальные переменные СКТ

Анализ структуры СКТ мы начинаем со схемы, которая, с одной стороны, описывает дифференцированное состояние современного общества, а с другой стороны, дает возможность сравнительного описания его основных подсистем. Речь идет о различениях *действия/переживания* и *Ego/Alter* (Я/Другой). Данные различения понимаются как инструменты наблюдения, не имеющих определенных (онтологически фиксируемых) коррелятов в социальной реальности. Различения действия/переживания и Я/Другой — это некие значения («индексикалы»), которые наблюдатели приписывают коммуникативным событиям или операциям².

Разнообразные перекрестно-табличные комбинирования данных переменных задают различающуюся типичу коммуникаций, характерную для автономных подсистем, образующих современное общество. Так формулируется гипотетико-дедуктивная теория, которая на основе ряда допущений, аксиом, представляющих несколько возможных комбинации переменных, представляет несколько моделей (идеальных типов) коммуникаций, которые можно сравнить с эмпирической реальностью, т.е. с фактически осуществляющейся коммуникацией, и, как следствие, опровергнуть или подтвердить. При этом речь идет о типе гипотетико-дедуктивной теории, в большей степени ориентированной на «предикцию» и анализ эмпирических следствий из теории, чем «аккомодацию» уже известных эмпирических данных.

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура,
аномалии,
применение

² То, что в одном контексте может быть расценено как действие (например, молчание), и, соответственно, вызывает ответное действие, в другом расценивается лишь как переживание и не требует никакого ответа.

Итак, на основе выше заданных различий оказываются возможными четыре формальных утверждения, которые с определенной полнотой и непротиворечивостью могут быть проинтерпретированы на содержательных коммуникативных описаниях современного общества:

- 3 Генерализирующая функция медиума состоит в обобщении однородных ситуаций, в которых используется медиум. Символическая функция медиума состоит в обеспечении согласия и акцептации в отношении самих по себе невероятных «предложений смысла» — подчиниться, купить товар, вступить в близкие отношения, признать неочевидное утверждение и т.д.

4. Действия Другого имплицитно переживания Эго. В этом случае экономические коммуникации организованы посредством символического генерализованного медиума денег.

Риском предположить, что четыре данных гипотетически-возможных каузальных взаимодействия играют в СКТ ту же самую функциональную роль, которую в физической теории играют так называемые «фундаментальные взаимодействия» (сильное, слабое, электро-магнитное и гравитационное), лежащие в основании и объясняющие феноменологию и разнообразие физической реальности. С тем лишь различием, что в отличие от СКТ попытки вывести физические каузальности из одного принципа и объединить в рамках единой физической теории поля пока в полной мере не удаются. В этом смысле СКТ следует стандартам «хорошей теории», принятым сегодня в философии науки. В ней используются *всего* лишь два различия, которые составляют «аксиоматику» (и одновременно язык понятий) этой теории. Путем различных комбинаций эти переменные (различия) образуют все возможные эмпирически валидные принципы описания большинства (но не всех) подсистем современного общества. Рассмотрим подробнее, в чем же состоит их эмпирический или содержательный смысл, и то, как эти модели каузальности согласуются с социальной реальностью.

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

Теоретическая модель современного общества

Итак, путем «перекрестного табелирования» были сформулированы четыре «атрибуции каузальности». Само понятие «атрибуций каузальности» восходит к идеям австро-американского психолога Фрица Хайдера, который ввел ключевые для СКТ понятия *медиа и формы*⁴. В его более поздней работе «Психология межличностных отношений» [Heider, 1958] концептуализируются фактические представления людей о причинах успеха или неуспеха своих и чужих действий. Так, преподаватель склонен выводить успех своих учеников из собственного «образовательного» действия, и, следовательно, связывает успех с функционированием системы образования, в рамках которой осуществляются данные действия. Между тем, неудачи учеников приписываются преподавателями «внешнему миру» образовательной системы, неисправимым свойствам личности учеников («переживаниям сознания»), не способных воспринимать причинные импульсы «образовательных действий».

⁴ Различение между Эго и Другим соответствует различению между активным, иницирующим коммуникацию актором, и актором, лишь реагирующим своими действиями и переживаниями на действия и переживания инициатора коммуникации.

В описываемой схеме означенные атрибуции не являются какими-то «реальными каузальностями», но реконструируются как типичные схематизации (можно было бы сказать «volk-теории») того или иного наблюдателя. При этом сами участники коммуникации — ученые, политики, предприниматели, политики — применяют указанные различия не рефлексивно, а скорее рутинным образом, задействуя соответствующие символические генерализирующие медиа — деньги, власть, истину и т.д. — в качестве инструментального условия коммуникации. Вместе с тем консенсус-генерирующая функция и внутренняя структура этих медиа выступает своего рода «слепым пятном» их наблюдения.

Рассмотрим подробнее каждую из представленных атрибуций в контексте соответствующих коммуникативных систем:

Другой переживает — Эго переживает.

Если один из участников коммуникации (представленный переменной «Другой») формулирует научную гипотезу или теорию, то его «переживание» (экспериментальных данных, результатов научного наблюдения, математических расчетов) должно удостоверяться или подтверждаться соответствующими «переживаниями» других участников, представленных в переменной «Эго»⁵. Другими словами, результаты научного исследования интерпретируются наблюдателями как продиктованные (причиненные) реальностью. Сообщения ученых *инореферентны* в том смысле, что стилизуются наблюдателями так, как будто они, хотя и сформулированы наблюдателем, но в конечном счете каузированы внешним миром, интересубъективно представленным в восприятиях всех заинтересованных в результате участников научной коммуникации.

В этом случае научная истина выполняет функцию бинарного кода научной коммуникации в том смысле, что утверждение этого индекса по отношению к тому или иному предложению смысла (знанию) мотивирует участников признавать самые неожиданные и невероятные «селекции смысла» (достижения Другого), какими бы неочевидными (и в этом смысле не акцептируемыми) они ни представлялись Эго. В условиях коммуникативной конкуренции (за право высказывания, которое в формате является ограниченным ресурсом во временном измерении коммуникации) Эго был бы не склонен признавать чужие и при этом неочевидные достижения и утверждения (например, Земля вращается вокруг Солнца). Поэтому коммуникативное согласие (признание неожиданного,

⁵ Различение между Эго и Другим соответствует различению между активным, иницирующим коммуникацию актором, и актором, лишь реагирующим своими действиями и переживаниями на действия и переживания инициатора коммуникации.

невероятного утверждения) без кристаллизации специальных коммуникативных предпосылок и само представляется невероятным. Именно провозглашаемое Другим *притязание на истинность* (по крайней мере, в рамках науки) *принуждает* Эго к воспроизводству переживаний (восприятий, наблюдений, экспериментов, а также к прочтению скучных, длинных, сложных текстов), удостоверяющих соответствующее невероятное утверждение [Луман, 2005].

Отсюда следует более общей тезис теории коммуникативных медиа. Бинарные коды (или медиакоммуникации — истина, власть, деньги, любовь) делают вероятной саму по себе невероятную коммуникацию тем, что обеспечивают *толерантность, консенсус и акцептацию* самых невероятных запросов на контакт или «селекций смысла». При этом важнейшим условием принятия невероятных коммуникаций является обращение к *ресурсам человеческого тела*. В случае научных коммуникаций телесно или физиологически фундированный процесс *восприятия* оказывается тем, что удостоверяет значение такого абстрактного символа или индекса как *истина*. Истина является индексом, который приписывается знанию в случае, когда переживания ученых не являются результатами их действий (= фабрикаций, манипуляций). Ведь описываемая наукой реальность наблюдается как независимая от самой коммуникативной системы науки, от действий ученых, поскольку переживания внешней реальности (восприятия, ментальные акты, представляющие собой операции психических систем или сознаний) образуют *внешний мир* коммуникативных систем. Эта внешняя (или инореферентная) реальность представляется наблюдателю как объективно данная, которую невозможно сфабриковать посредством действий, которые, однако, (в рамках другой коммуникационной типики) способны каузально воздействовать друг на друга, образуя иной — *самореферентный* (= внутрисистемный) процесс.

Другой действует — Эго Действует

Обратимся теперь к зеркально-противоположной констелляции приписываний каузальности. Вышеозначенное утверждение описывает *самореферентный* процесс взаимообуславливающих операций коммуникативных систем. Именно действия (или деятельность составляющая коммуникации), в отличие от переживаний интерпретируются — в рамках, по крайней мере одной из систем, как каузирующие и каузируемые друг другом. Такова, например, политическая система как некая зеркальная противоположность науке. В рамках этой системы Эго вынужден соподчинять свои действия действиям Другого, а сами действия принимают форму коллективно-обязательных распоряжений власти. Власть, как способ и средство обеспечить выполнение коллективно обязательных распоряжений, делает возможным длинные последовательности

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

осетевленных событий. Благодаря власти множество осетевленных действий как бы выстраивается вокруг общественно-релевантных целей (строительства пирамид, ирригационных сооружений, управления государственным аппаратом, ведения войн). Относительно произвольно формулируемые и последовательно реализуемые цели характеризует именно политическую коммуникацию, которая в отличие от научной может (в определенных пределах) и не считаться с принудительной силой реальности, данной в интерсубъективных переживаниях сознания.

Такого рода «подчинение чужому произволу» в свою очередь выглядит как сама по себе невероятная коммуникация. Однако участникам коммуникации приходится считаться с неприятными альтернативами неподчинения абстрактной власти [Луман, 2001]. Относительно непроблематичное осуществление власти (как и в случае с наукой) обеспечивает специфический телесный процесс. При всей своей символичности и абстрактности, не требующей в типичном случае применения насилия для нормального протекания коммуникации, именно насилие как телесный процесс выступает неким «последним доводом властелина».

Другой действует – Эго переживает

В контексте этой «конstellляции приписываний каузальности»⁶ Эго в своих переживаниях вынужден терпимо относиться к зачастую «вызывающим» действиям Другого, прежде всего к приобретению Другими всегда ограниченных материальных благ. Условием такой толерантности к «покушению» на ограниченные ресурсы, очевидно, является использование денег. Деньги в этом смысле (как истина и власть) выступают символическим средством обеспечения консенсуса и делают вероятным «несправедливое» (с точки зрения большого числа наблюдателей), а значит само по себе невероятное распределение ограниченных ресурсов. Также и в данном случае очевидная символичность и абстрактность денег удостоверяется телесно. Деньги принимаются к плате и получают «эмпирическое удостоверение», если обеспечивают фактическое потребление участников коммуникации.

Другой переживает — Эго действует

Данная конstellляция в свою очередь описывает само по себе невероятное положение дел. Почему Другой в своих переживаниях должен испытывать особого рода предпочтение или чувства (любовь, привязанность, влечение) именно к данному действующему

⁶ Также и в искусстве Эго (как зритель или в широком смысле реципиент) признает и лишь эстетически переживает (не принимая деятельностного участия в искусстве) действия Другого (художника или творца).

Другому? Ведь в его окружении, как правило, находятся сотни других гипотетических партнеров. Но и эта невероятная селекция может получить соответствующую мотивацию. Чтобы достичь желаемых переживаний со стороны Другого, Эго своими действиями вынужден учитывать и предвосхищать все возможные идиосинкразии своего партнера, выполнять его желания, какими бы странными и экстравагантными (противоречащими нормативным ожиданиям, морали и т.д.) они ни представлялись. Любовь как символический генерализирующий медиум интимной коммуникации делает возможным невероятный консенсус также и в социальной системе интимных коммуникаций. Очевидно, что и в этой области абстрактный медиум любви в конечном счете получает (или не получает) телесное подтверждение в форме физической сексуальной близости.

Подводя итог анализу «эмпирического смысла», наполняющего базовые переменные дистинкции СКТ (Эго/Другой, Действие/Переживание), позволим себе и здесь привести сравнение с базовыми основаниями современной стандартной физической модели. Согласно последней элементарные частицы, как известно, объединяются в два класса – переносчиков взаимодействий и составляющих материи. Базовые переменные коммуникации, в свою очередь, выказывают в чем-то аналогичные свойства и могут быть соответствующим образом классифицированы: если переменные (*Эго/Другой, переживания/действия*) образуют некую «субстанцию» или, лучше сказать, *материальное воплощение* коммуникации, то мотивирующие коммуникацию медиа коммуникативного успеха (деньги, любовь, власть, истина) можно уподобить особым переносчикам взаимодействий. Это своего рода *энергия* коммуникации, которые наподобие фотонов и глюонов словно *склеивают* коммуникативные операции (платежи, распоряжения, научные высказывания, интимные отношения) друг с другом, обеспечивая динамизм коммуникативного системообразования.

При этом сам Луман первоначально использовал не физическую, а химическую аналогию, уподобляя медиа коммуникативного успеха неким *катализаторам* коммуникации.

Эмпирический смысл системно-коммуникативной теории

Выше представленная теоретическая модель основных систем общества, вытекающая из четырех возможных комбинаций переменных и четырех констелляций, на наш взгляд, хорошо согласуется с описываемой эмпирической реальностью. Представим несколько объяснительных положений, которые, на наш взгляд, могут быть

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

верифицированы эмпирически, а значит позволяют критически оценить данную теорию на предмет аномалий и противоречий.

(1) *Общество — это множество коммуникаций.* Это значит, что коммуникация фактически состоит из действий (сообщений) и информации (переживаний). Сообщение в этом смысле выступает материальным (устным, письменным, печатным или электронным) субстратом общества и допускает эмпирическую фиксацию. Это *понимает* сообщение Другого как отличное от информации, данную в переживаниях сознания, но воплощенную в материальном действии (сообщения).

(2) *Смысл коммуникативного запроса на контакт определяется коммуникантами с помощью различения инореферентных информаций и самореферентных сообщений.*

1.1. Это может понимать (исчислять) предложенную коммуникацию *инореферентно*, т.е. фокусироваться на информации. (Так, в предложении «идет дождь» первоочередное значение получает само данное в переживаниях внешнемировое событие, в данном случае фактическая погода).

1.2. Это может понимать коммуникацию *самореферентно* и фокусироваться на факте самого сообщения, а не информации. (Так, высказывание «идет дождь» истолковывается, например, как мотивирующее действие к тому, чтобы остаться дома и продолжить коммуникацию).

1.3. Акцептация или отклонение коммуникации (образование системы) зависит от выбора того или другого — информационного (инореферентного) или интеграционного (самореферентного) смысла сообщения.

(3) *Смысл сообщения как основание для системнообразования (коннекции коммуникации) определяется в предметном (то, о чем высказывание), социальном (зачем и кому адресовано высказывание) и темпоральном измерениях (историческим и перспективистским контекстом высказывания).* Чтобы общение продолжилось и возникла система, каждое сообщение должно получить определенность (соответствующее значение) в каждом из означенных измерений.

(4) *Коммуникативные системы надрегиональны и образуют мировое общество.* Операции обособившейся коммуникации (подтверждение научных истин, нормы международного права, международные транзакции, выбор партнера) не ограничены государственными границами.

(5) *Структуры автономных систем выказывают инвариантные черты*

— Медиа коммуникативного успеха (власть, деньги, любовь, истина и т.д.) делают возможным консенсус и обеспечивают — само по себе невероятное — принятие запроса на контакт.

– Медиа коммуникативного успеха претерпевают *инфляцию или дефляцию* (рост доверия или недоверия к власти в политике; инвестиционный бум или стагнация в хозяйстве; вера в научный прогресс или динайелизм; ожидание любви после брака или распад моногамной семьи и т.д.).

– Критерием и способом удостоверения абстрактности коммуникативных медиа (особенно в случае отклонения запросов на контакт) являются телесно-фундированные формы подкрепления таких запросов (насилие в политике; восприятие в науке; сексуальные отношения в интимной сфере; потребление в хозяйстве).

– Дефляции коммуникативных медиа делают возможными рецидивы к более ранним архаическим формам *недифференцированной* коммуникации (так, истинность научных суждений, критерии искусства, инвестиции в экономики и т.д. могут определяться политическими решениями, а могут — религиозными). Этот рецидив, очевидно, претерпевает сегодня российское общество.

(6) *Системообразование в обособленных системах осуществляется через ведущие различия.* Системы состоят из моментальных, спонтанно возникающих и тотчас заканчивающихся, событий (операций): политических решений, экономических транзакций, научных высказываний, правовых актов, признаний в любви. Чтобы система продолжалась и воспроизводилась, требуется отбор и подсоединение все новых и при этом системно-однородных элементов. Соответственно, требуются селективные механизмы различения собственных и чужеродных операций. Таковыми механизмами выступают ведущие различия (бинарные кодирования) между истинным и ложным (наука), между потребным и ненужным (хозяйство), законным и незаконным (право), обеспеченным властью и оппозиционным, любимым и нелюбимым, поражающим воображение и неинтересным, массмедийно новым и известным, сакральным и профанным.

(7) *Моментальный характер социальных событий лежит в основе эволюции коммуникаций.* Механизмы изменчивости обеспечиваются языковой частичкой «нет», делающей возможным отклонение, в том числе и успешных в прошлом запросов, на контакт. Механизмы *отбора* новообразованных коммуникаций обеспечиваются бинарным кодированием подсоединяющихся операций (новых истин, новых политических решений, предложений на рынке и т.д.). *Закрепление* и стабильное воспроизводство новообразованных типов предложений смысла обеспечивается функциональной дифференциацией систем (науки, хозяйства, политики), в рамках которых возникают устойчивые комплексы ожиданий (исследовательские программы, политические устройства, рыночные экономические уклады и т.д.)

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение

(8) *Рациональность системы обеспечивается способностью к наблюдению второго порядка.* Речь идет о способности «различать различия»: фиксировать собственные различия и базирующийся на них системный процесс во внешнем мире данной системы. Так, наука (в лице эпистемологии, социологии науки и т.д.) тематизирует истинность и сам научный процесс. Политика (в лице оппозиции) рефлексировывает корректность применения власти и способа принятия политических решений.

Аномалии в поле СКТ

Вышеприведенная стройная схема реконструирует те или иные способы наблюдения социальной реальности. Но как всякая схема она, безусловно, не ухватывает всего многообразия социальной или коммуникативной реальности. Кратко перечислим ряд аномалий, рассогласованностей или асимметричностей, которые, на наш взгляд, не укладываются в данную схему «приписывания каузальностей».

– Так, с одной стороны, те или иные притязания на *истинность* знания требуют его *акцептации* и в этом смысле *фактического участия* в данной научной коммуникации. Между тем деньги как способ обеспечения консенсуса требуют всего лишь *толерантности* со стороны наблюдателей, которые могли бы возмутиться чрезмерно роскошными формами потребления (суперкары, дорогие виллы и т.д.), но не являются участниками данной экономической коммуникации.

– Не все системно-интегрированные коммуникации и их ведущие различия укладываются в предложенную классификацию каузальностей. Так, правовая подсистема общества с ее ведущим бинарным кодом *законное/незаконное* не представлена ни в одной из клеточек таблицы. То же самое можно сказать о самых *разнообразных* социальных движениях, которые испытывают трудности в выработке *единого* бинарного кода.

– Система религиозной коммуникации, в свою очередь, также не представлена в таблице, и, кроме того, по видимости, не опирается на отчетливые телесно-фундированные способы удостоверения символического генерализирующего бинарного кода *веры*.

– Данная теория, избегая прямых утверждений (при всей ее апелляции к эмпирической реальности, на которую она пытается опереться), дефинитивно отказывается от возможности ее фальсификации. Ведь речь идет об «атрибуции причин» тем или иным наблюдателям, а вовсе не об описании фактических каузальностей и выстраиваемых на основе них закономерностей. Как следствие,

обнаружение фальсифицирующих эмпирических обстоятельств (например, появление других исчислений, см. ниже следующую аномалию) не фальсифицирует теорию, а лишь указывает на какую-то особую ситуацию этого наблюдателя.

— Не исключены *обратные каузальности*, которые, однако, никак не прописываются в теории. Так, в политической системе Другой своими действиями (обязательным к исполнению решением) запускает согласующиеся с этим решением действия Эго. Но как быть с допустимым в этой системе переменных и фактически реализующимся возможным миром, где политически нижестоящий Эго (избиратель, рядовой член организации и т.д.) своими действиями или переживаниями (голосованиями, участием в опросах и т.д.) каузирует действия или переживания вышестоящего начальства?

Наука общества: восприятие, знание, истина, эволюция науки

Осуществленная выше реконструкция структуры СКТ требуется нам для понимания науки как системы мирового общества. Подход СКТ уникален, поскольку делает возможным анализ науки исходя из более общей теории мирового общества и его подсистем. Между тем известные гранд-теории науки и методологические подходы к анализу и эволюции науки (Томаса Куна, Имри Лакатоса, Карла Поппера, Венского кружка) в большинстве своем анализируют науку из самой себя, не основываясь на возможностях сравнительного анализа с другими общественными подсистемами.

Поскольку *осмысленность* подсоединяющихся системных операций (= способность обеспечить коннекции платежей, решений, научных суждений и т.д.) определяется в «пространстве» трех измерений, приобретают большую четкость эпистемические понятия, в которых описываются научные коммуникации. Речь идет, прежде всего, о понятии научной *истины*, *знания*, *новизны*, как и об их непростом соотношении.

Так, истинность, очевидно, представляет собой некий *добавочный* индекс для определения (и без того) «истинного» научного знания (поскольку *ложное* знание попросту не является знанием). Но чем объясняется такого рода удвоение? Разве одного индекса (*episteme* противопоставленное *doxe*) было бы недостаточно?

Эта избыточность может получить объяснение, если индекс *знания* понимать как значение или сообщение лишь в одном, а

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

именно в *предметном* (функционально-дифференциалистском)⁷, измерении научной коммуникации. Получение знания в результате научного исследования, собственно, и является функцией научной коммуникации, основанием для ее отдифференциации как автономной типики общения [Луман, 2016].

Напротив, истина, в контексте СКТ выполняет специфическую *медиаальную* функцию обеспечения коммуникативного успеха и является позитивной стороной бинарного кода *истинное/ложное*. Это *ведущее бинарное различие*, задействованное в науке, маркирует согласие и признание полученного знания не столько в предметном, сколько в специфическом *социальном* измерении научной коммуникации. При этом как истина, так и знание, чтобы быть принятыми в качестве текущих индексов того или иного предложения научного смысла, должны получить третий, не менее важный индекс, а именно — значение новизны в *темпоральном* измерении научной коммуникации.

Такого рода представление об (относительной) независимости индексов *знания, истины и новизны* как значений, которые приписываются смыслам научных операций (= запросов на контакт) в случаях, когда фиксация позитивных сторон данных различий обеспечивает их *подсоединение и образование системы коммуникаций*, является результатом совсем недавней эволюции. Так, еще сравнительно недавно значение истинности имело другой смысл и задачу, а именно — обеспечивало воспроизводство знания, защиту от забвения или «несокрытость» (*aleteia*) сообщенного знания [Хайдеггер, 1991: 8–27]. Истинность как «несокрытость» отвечало за сохранение полученного знания и его систематизацию в форме больших компендиумов (систем знания). Энциклопедия Дени Дидро и Жана Лерона Д’Аламбера, а также монументальный труд Александра фон Гумбольдта «Космос» представляют собой хорошие примеры такого рода функции — всеобщей систематизации и аккумуляции наличного знания.

Сегодня представляется очевидным, что оценка такого рода притязаний на всеобщую систематизацию научного знания уже не могут осуществляться с помощью механизмов бинарного кодирования *истина/ложь*. В особенности это относится к научным парадигмам, которые, как известно, согласно тезису Томаса Куна, содержат внутренние критерии истинности своих положений

⁷ Дифференциация социальных систем представляет собой специализацию и замыкание коммуникаций вокруг соответствующих предметных областей или задач: обеспечении коллективно-обязательных решений, научных исследований, экономических трансакций и т.д.

и в этом смысле не требуются внешних истинностных оценок [Кун 1977: 195–199, 207].

Эволюция научной коммуникации в форме дифференциации автономных эволюционных механизмов — изменчивости, отбора и стабилизации знания — существенно меняет эту типичку воспроизводства, формулирования и оценки его получения [Луман, 2017; Кэмпбелл, 2012]. Механизмы изменчивости и отбора нового истинного знания (в виде научных статей) теперь функционируют автономно. Это значит, что изменение наличного корпуса знания в виде научной критики существующих парадигм осуществляется независимо от того и даже в противовес тому, что рекомендуют внешние фильтры отбора научного знания (эксперты журналов, комиссии распределяющие гранты и субсидии и т.д.). С другой стороны, и механизмы отбора (прежде всего, научных статей в научных журналах) получают автономию от системно-стабилизированного знания. Так, в процессе «нормальной науки» формулируется новые предложения смысла без того, чтобы производились радикальные изменения всего корпуса стабильного знания⁸. В результате такой эволюции сегодня именно небольшая научная статья, приведенная к форме единого тезиса (компактного предложения смысла, допускающего однозначное *Да* или *Нет*, принятие и отклонение), становится основной единицей (операцией) научной коммуникации.

Таким образом, данный эволюционный концепт СКТ задает типологию видов научного знания. Во-первых, можно говорить о вариативности знания в виде случайных гипотез, инсайтов, сумасшедших догадок, т.е. всего того, что Р. Мертон называл «серендипностью» [Merton, 2004], а в классических трудах по философии науки это определялось как «этап открытия», предшествующий этапу обоснования знания; во-вторых, об обоснованном истинном знании, отбираемом посредством экспертных коммуникативных фильтров ведущих научных журналов; и в-третьих, наконец, о парадигмальном, стабилизированном знании, образующем основную мишень для новых критических инвектив и новых вариаций.

Наука: инореференция через самореференцию

Эта эволюционная модель, на наш взгляд, предлагает элегантное решение двух известных семантических парадоксов. Так,

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

⁸ Аналогичным образом (так же и в контексте сравнительной аналогии с политической системой) в современном дифференцированном обществе смена власти осуществляется, как правило, без того, чтобы нарушалось стабильное функционирование политической системы в целом и менялось бы государственное устройство.

парадокс стандартного понимания знания [Gettier, 1963] поставил под вопрос так называемую «стандартную» интерпретацию знания как *истинного, обоснованного мнения* [Sellars, 1956]. Было предложено несколько примеров «истинного, обоснованного мнения», не являющегося знанием. Возьмем тривиальный пример: высказывание «часы показывают шесть часов», утверждаемое в шесть часов и обосновываемое показаниями на часах, представляется истинным, обоснованным мнением. Но этот результат может быть получен и в результате случайного совпадения, если часы были бы сломаны или не заведены. В последнем случае речь идет о некоем парадоксальном «знании неизвестного знания». Впоследствии была придумана масса новых определений знания, обходящих данный парадокс, но каждый раз обнаруживался новый геттьеро-подобный пример.

Основное внимание в попытках разрешения парадокса уделялось поискам *четвертого* признака знания, дополняющего индексы *истинности, обоснованности, убежденности* в знании и выводящего из данной парадоксальной ситуации. Понятийность СКТ в свою очередь может предложить свой вариант разрешения парадокса Геттиера.

Как утверждалось выше, наука определяется как коммуникативная система, обладающая особым типом — системно-коммуникативной — рациональности. Такого рода рациональность состоит в способности наблюдателя (= системы коммуникаций) фиксировать в его внешнем мире различия, которые нерелексивно использовались самим этим наблюдателем (самой системой). Применительно к науке речь, очевидно, идет о знании того, что другие наблюдатели знают или не знают о некотором предмете, или другими словами — о знании актуального состояния наличного знания. Так, инореферентному (т.е. информационно-значимому, новому и неожиданному) утверждению о некоем *предмете* исследования должно быть предпослано (как правило, в форме цитирования или критики) самореферентное утверждение о том, что *другие наблюдатели* знают или не знают о данном предмете. Поэтому всякое притязание на научный приоритет (новое истинное знание) включает в себя и самореферентное отнесение: возможное знание о том, что могло бы быть известно более компетентному наблюдателю (в данном случае о том, насколько корректно функционируют часы). Именно на это указывает СКТ в специфической констелляции каузальных атрибуций — «переживание Другого подтверждается переживанием Эго».

Парадокс Геттиера возникает как раз в тех случаях, когда знание Другого еще не удостоверено восприятием Эго или другими более компетентными наблюдателями, и относится к *первому*

классу выше предложенной эволюционной классификации знания. В этом случае инореферентное наблюдение не артикулирует в достаточной степени самореферентное и рефлексивное утверждение об актуальном (несовершенном) состоянии знания, о знании других компетентных наблюдателей, находящихся на других позициях и способных знать нечто неизвестное первому наблюдателю (о состоянии часов).

В этом, по-видимому, состоит смысл высказывания И. Ньютона: «Если я и видел дальше других, то лишь потому, что стоял на плечах гигантов» [цит. по: Merton, 1985]. Наблюдатель второго порядка фиксирует, прежде всего, ограниченность обзора наблюдателя первого порядка — его слепое пятно. Как уже было сказано, инореферентии научной коммуникации предпосылается самореферентия, получающая форму критического цитирования оппонентов и предшественников. (Впрочем, сегодня гиперкомплексная наука столкнулась с рядом трудностей в ее возможностях осуществлять такого рода рациональную функцию наблюдения второго порядка⁹).

Макс Вебер в своем знаменитом манифесте [Weber, 2017], в свою очередь, обратил внимание на парадоксальный характер научных утверждений. С одной стороны, они претендуют на истину, и именно это отличает объективность истинностных высказываний от ценностных суждений. С другой стороны, срок жизни научных истин 10–40 лет, а значит, объективность истинности релятивизируется во времени.

Но и в этом случае различение автономных смысловых горизонтов (темпорального и социального) если не снимает, то отчасти объясняет данный парадокс. Как уже утверждалось выше, в *темпоральном* измерении научной коммуникации определяется индекс новизны того или иного предложения смысла. Одновременно в *социальном* измерении научной коммуникации (атрибуцией истинности со ссылкой на актуальные теории и методы) определяется консенсус и признание того или иного научного предложения. Оба типа индексов могут получать различные — позитивные или негативные — значения (времени и консенсуса) и в каждой

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

⁹ Сегодня механизм отбора и распределения истинности в дисциплинарно-специализированном знании дает сбой. Современная наука стала настолько комплексной и дисциплинарно-специализированной, что перестала быть доступной для самой себя. От 50 до 80 процентов научных текстов вообще не цитируются, не перерабатываются в другие тексты [Meho, 2007]. Экспертиза не успевает осуществлять свою фильтрующую функцию. Огромное число научных текстов — как запросов на контакт — не получают коммуникативного ответа [Антоновский, 2023].

конкретной (*эмпирически осуществляющейся*) коммуникации не обязательно согласуются друг с другом.

Политическая коммуникация: самореференция без инореференции

Как мы показали выше, политическая система противоречива научной коммуникации в том, что касается склонности (политически ангажированных) наблюдателей атрибутировать причины их действий и переживаний. Действие — в отличие от переживания — подразумевает целевую или произвольную компоненту. Поэтому в исполнении собственных действий политический актор вынужден в каком-то смысле «вытеснять» личные переживания (внутреннее несогласие, собственные резоны и т.д.), ориентируясь на уже принятые коллективно-обязательные решения и подчиняясь им. В этом смысле политическая коммуникация преимущественно самореферентна (= относительно безразлична к реалиям ее внешнего мира, данного в *переживаниях* акторов, вынужденных подчиняться машинерии политических решений)¹⁰.

Такого рода политическая самореферентность, впрочем, может фиксироваться наблюдателями (самими политическими акторами) как инореферентная интерпретация реальности. За инореферентную («объективную») интерпретацию реальности выдаются коммуникативные сообщения (описания, объяснения, докладные записки, социологические опросы и т.д.), ориентированные на самореферентную максимизацию собственной власти путем подстраивания под потенциальные коллективно-релевантные действия и решения, которые *ожидаются* от вышестоящих властных инстанций. Другими словами, знание о реальности и соответствующие сообщения производятся или *фабрикуются*; представления о реальности оказываются в этом смысле результатом произвольного действия, а не переживания внешнего мира, как это типично для научной коммуникации; не восприятие как телесный процесс удостоверяет истинность коммуникативных сообщений в политической системе, а возможность насилия, которая входит в расчет политически ангажированных акторов и наблюдателей

¹⁰ Конечно, и наука самореферентна в том смысле, что всякому инореферентному суждению о предмете исследования (о внешней реальности) предпосылается самореферентное суждение об актуальном уровне знания в виде цитирования и критики коллег. Но эта трансформация инореференции в самореференцию как раз и защищает от ошибок в инореферентных научных суждениях и обеспечивает их акцептацию.

(политиков или их советников), в случае коммуникативной конфронтации, отклоняющейся от их самореферентной наблюдательной перспективы.

Для оценки своеобразия текущего момента политическим акторам в условиях отсутствия свободных массмедиа и оппозиции, которые способны поставить под вопрос само ведущее различие политической системы (а именно — власть, как различие власти и оппозиции) нет надобности обращаться к ученым, экспертам, удостоверяющим собственным восприятием восприятие политических акторов. Ведь это не соответствует характерным для политического наблюдения «атрибуциям каузальности».

Проистекающая отсюда недоступность внешнего мира словно компенсируется возможностями произвольного политического действия как коллективно-обязательного решения, обладающего собственными средствами «продавливания» и утверждения волюнтаристских целепостановок.

С точки зрения СКТ политические (коллективно-обязательные) решения дефинитивно ориентированы на максимизацию власти в *социальном* измерении коммуникации и зачастую независимы от содержания этих решений в *предметном* измерении, а также от того, какие последствия это несет для внешнего мира политики (граждан, экологии и т.д.) в темпоральном измерении коммуникации. В этом смысле значение социального (самореферентного) горизонта политической системы, как следует из вышеприведенной схемы, чрезвычайно гипертрофировано и доминирует в сравнении со значениями в других горизонтах коммуникации. Подсоединение следующей операции получает свой смысл исключительно в контексте сохранения или упрочения собственной власти. Однако рефлексия и рациональность системы (см. выше пункт о специфической системной рациональности), способность осуществить рациональное *re-entry* в условиях отсутствия оппозиции и социальных движений существенно ослаблена. *Re-entry* как способность наблюдателя ввести в поле своего рассмотрения собственное ведущее различие, а именно власть как различие власти и оппозиции, зафиксировать «объективно» (т.е. со стороны) «слепые пятна» политического наблюдения, в особенности ее неспособность эффективно функционировать в условиях авторитаризма (= доминирования политики над другими системами коммуникаций) не осуществляется; сама эффективность и политические последствия решений власти, наблюдаемые из внешнемировой перспективы, не становятся темой парламентских обсуждений. Ведь за это ответственна оппозиция, критикующая власть, но незадействованная в самореферентной машинерии политических решений и именно поэтому способная к рациональной рефлексии,

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина

Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение

политическому *восприятию* реальности и самой власти как внешнего мира политической системы. В этих условиях ограниченной рациональности актуальная политическая коммуникация «смотрится в зеркало» самосозданных и политически ангажированных массмедиа и провластных движений и обнаруживает там только саму себя в том виде, в каком ей комфортно себя наблюдать. Именно эту дефинитивную слепоту политической системы, не компенсируемую дополнительными к ней наблюдательными перспективами других — более восприимчивых к реальности наблюдателей (науки, массмедиа, оппозиционных движений) — следует признать источником военно-политических и экономических ошибок современной власти.

The System-communicative Theory: Structure, Anomalies, Application

Alexander Yu. Antonovskiy

DSc, Chief Research Fellow.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-4209-8213

antonovski@hotmail.com

Natalya N. Pogozhina

Senior Lecturer, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

27 bld. 4 Lomonosovsky Ave., GSP-1, 119991 Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-5529-817X

pogozhinann@gmail.com

Abstract. The article provides a critical analysis of the main theoretical provisions of the system-communicative approach. As a starting point, the premise of communicative interaction is considered as a substrate of any public interactions, the foundation of social as such, which is conceptually justified in the works by N. Luhmann. It demonstrates both the methodological success of the use of system-communicative theory within a wide range of social fields of knowledge (sociology, epistemology, economics, political theory, psychology, art research, etc.), and a number of internal limitations (in legal theory, in the study of religious practices). Structure-forming developments of the conceptual apparatus of system-communicative theory are discussed, for example, the concepts of “media” and “form” proposed in the social psychology by F. Heider. The authors reconstruct the theoretical framework of the system analysis of communication on the basis of fundamental differences in act/experience, Ego/the Other and the comparison of the fields of their combinations and constellations. The empirical outcomes of the systemic view of communication are examined in detail, during which anomalies are identified — some gaps, or problem areas, or systemic

inconsistencies in the course of communicative interaction within the framework of the proposed unified scheme of the ratio of combinations/constellations of distinctions. Special attention is paid to comparing and identifying the specifics of scientific and political communicative subsystems. Behind the first is approved a special type of system-communicative rationality, justifies the doubling of the binary true/false code in the application to scientific knowledge, proposes a variant for solving Gettier's paradox by system-communicative theory, and also notes the potential of system-communicative theory in ranking types of scientific knowledge, due to the evolutionary selection mechanism as part of the methodological basis of system-communicative theory. The political communication subsystem is provided by the authors for analysis in a system voltage with a scientific one, during which algorithms of rational re-entry and self-reproduction are revealed according to the means of binary oppositions and connections of actors (power, social movements, mass media, etc.).

Keywords: system-communicative approach, communication, social system, scientific subsystem, political communication.

For citation: Antonovskiy A.Yu., Pogozhina N.N. The System-communicative Theory: Structure, Anomalies, Application // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 5. P. 7–28. DOI: 10.31857/S023620070028499-5

Литература/References

Антоновский А.Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции // *Эпистемология и философия науки*. 2023. Т. 60, № 2. С. 75–93.

Antonovskiy A.Yu. Zachem nauke luzery? O pereproizvodstve nauchnogo znaniya i ego funktsii [Why Does Science Need Losers? On the Overproduction of Scientific Knowledge and Its Function]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2023. Vol. 60, N 2. P. 75–93.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова, общ. ред. и послесловие С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1977.

Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions], transl. from English by I.Z. Naletova, ed. and afterw. by S.R. Mikulinskiy, L.A. Markova. Moscow: Progress Publ., 1977.

Кэмпбелл Д. Эволюционная эпистемология // Кэмпбелл Д. Эволюционная эпистемология: антология / науч. ред. и сост. Е.Н. Князева; гл. ред. и авт. проекта С.Я. Левит. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 141–178.

Campbell D. *Evolutsionnaya epistemologiya* [Evolutionary Epistemology]. Campbell D. *Evolutsionnaya epistemologiya: antologiya* [Evolutionary Epistemology. Anthology], ed. by E.N. Knyazeva, S.Ya. Levit. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2012. P. 141–178.

Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.

Luhmann N. *Vlast'* [The Power], transl. from Germ. by A.Yu. Antonovskiy. Moscow: Praskis Publ., 2001.

Луман Н. Истина, знание, наука как система / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016.

А.Ю. Антоновский,
Н.Н. Погожина
Системно-коммуникативная
теория: структура, аномалии,
применение

